

МАДАМ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Надежда Преображенская

Надежда Преображенская

Мадам Преображенская

<https://litres.ru/73974386>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зоя Преображенская — мастер по наращиванию ресниц в мрачном городе Ворон Сити. Её клиентки — женщины, которые говорят обо всём на свете, пока лежат с закрытыми глазами. Случайно Зоя понимает, что может использовать эти сплетни, чтобы помочь следствию раскрывать запутанные преступления. Вместе с грозной следовательницей Ириной Соболев (которая носит монокль и обожает чёрный юмор), патологоанатомом Марго (красивой пессимисткой) и внезапно появившимся программистом Костей она берётся за дело о трёх убитых риэлторах, комнатных фикусах и таинственном «Чёрном бархате». Но у Зои есть ещё одна забота: её взрослая дочь-художница, властная мама-огородница из посёлка ведьм и вспыльчивая сестра-бровист из столицы. И, кажется, Костя собирается сделать ей предложение. Детектив, комедия, немного магии и очень много ресниц.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Тушь и дождь	4
Глава 1. Клиентка с моноклем	5
Глава 2. Программист в луже	18
Глава 3. Патологоанатом с чувством юмора	28
Глава 4. Алиса и граффити	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Надежда Преображенская

Мадам Преображенская

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Тушь и дождь

Детективная комедия с наращиванием ресниц, трупами и одной очень странной свадьбой

Глава 1. Клиентка с моноклем

Город Ворон Сити встретил Зою Преображенскую привычным серым небом и мелкой моросью, которая умудрялась затекать за шиворот даже тогда, когда ты стояла под козырьком. Сентябрь здесь был похож на ноябрь, ноябрь — на февраль, а февраль — на депрессию среднего менеджера по продажам. Жители шутили, что если когда-нибудь в Ворон Сити выглянет солнце, то это либо галлюцинация, либо конец света, и в обоих случаях лучше не открывать глаза.

Зоя открыла глаза ровно в пять утра, как делала это последние десять лет. Она не пользовалась будильником — её внутренний хронометр работал точнее швейцарского, хотя сама она предпочитала аналоги. Тридцать девять лет, ни одной морщины на лбу (спасибо ботоксу, который ей поставила подруга-косметолог со скидкой за ресницы), и двадцать три тысячи часов практики за плечами. Зоя Преображенская делала ресницы. Она делала их так, как другие делают деньги — виртуозно, быстро и с закрытыми глазами.

В прямом смысле иногда с закрытыми. Когда клиентка засыпала, а такое случалось в девяти случаях из десяти, Зоя могла работать на ощупь. Она чувствовала каждую ресницу,

как пианист — клавиши. Её учительница в своё время сказала: «Зоя, ты не ресницы наращиваешь, ты судьбы поправляешь». Тогда Зоя засмеялась. Сейчас она знала, что это была не метафора.

Кабинет Зои располагался на втором этаже старого особняка на улице Ключевинской. Первый этаж занимала ветеринарная клиника, и по утрам запах антисептиков смешивался с ароматом лавандового масла, которое Зоя заливала в аромалампу. Получался букет «Один день из жизни частного детектива, который переквалифицировался в быти-сферу». Кресло — чёрное, удобное, с гидравликой. Лампы — три штуки, с разной цветовой температурой. Лупа — немецкая, оптика «Цейсс», подарок от благодарной клиентки, которая после процедуры пошла и развелась с мужем-абыюзером, потому что, цитата: «С такими ресницами я могу себе позволить уйти в закат».

Зоя вошла в кабинет без пятнадцати семь как всегда. Включила лампу, проверила влажность воздуха (должно быть сорок-шестьдесят процентов, чтобы клей схватывался идеально), разложила инструменты. Пинцеты — изогнутый и прямой. Микрощётка. Патч для фиксации нижних ресниц. Пластырь для век. Два вида клея. Её руки двигались сами, по многолетней привычке, а голова в это время прокручивала вчерашний вечер. Она дочитала детектив про частно-

го сыщика в Токио, который раскрывал преступления через маникюр гейш. Глупость, конечно, но вдохновляющая.

Ровно в семь раздался звонок в дверь.

Зоя открыла.

На пороге стояла женщина, которую невозможно было не запомнить. Лет тридцати пяти, рост примерно сто семьдесят пять, плечи расправлены как у офицера СС, взгляд — лазерный прицел. Стрижка каре, тёмно-русые волосы идеально гладкие, будто их вытянули утюжком прямо под линейку. Одежда — чёрные брюки-стрейч, белая блузка без единой складки, пиджак, на плече которого не было видно ни пылинки. Туфли на низком ходу, но такие, что если наступить — пожалеешь.

И монокль.

Да, чёртов монокль в двадцать двадцать четвёртом году. Золотой ободок, стёклышко, шнурок. Женщина смотрела на Зою одним глазом как на лабораторную мышь, а вторым (без монокля) — как на таракана, который случайно забежал в лабораторию.

— Вы Преображенская? — спросила женщина низким го-

лосом, в котором слышалось два пакета «Голд флейк» и развод.

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответила Зоя, скрестив руки на груди. — Если налоговый инспектор, то меня здесь нет. Если клиентка — добро пожаловать.

Женщина чуть приподняла бровь. Одну. Только ту, что без монокля.

— Следователь по особо важным делам Ирина Соболев, — сказала она, предъявляя удостоверение с такой скоростью, будто Зоя собиралась его выхватить и убежать. — Городское УВД. У вас есть пятнадцать минут.

Зоя взяла удостоверение, посмотрела на фотографию. На ней Ирина Соболев была без монокля, но с таким же выражением лица — «я знаю, где вы живёте, и у меня есть понятия».

— Пятнадцать минут на что? — спросила Зоя. — На то, чтобы сделать вам ресницы? Это технически невозможно даже для меня, мадам следователь. Первый раз — час сорок минимум, и это если не отвлекаться на разговоры.

— На разговор, — отрезала Соболев. — Без ресниц. Мне доложили, что вы помогаете следствию. Неофициально.

Нелегально. И, если честно, очень странно.

Зоя вздохнула. Она пропустила гостью в кабинет, указала на кресло и села напротив — на своё рабочее место, развернувшись лицом.

— Я никому не помогаю, — сказала она спокойно. — Я делаю ресницы женщинам. Женщины разговаривают. Иногда я слушаю. Иногда то, что они говорят, звучит странно. Иногда я это пересказываю знакомым людям. Иногда эти знакомые люди работают в полиции. Всё законно.

Соболь села. Не в кресло для клиентов, а на стул для ожидания — твёрдый, неудобный, с прямой спинкой. Так садятся люди, которые не собираются расслабляться.

— В среду в городе нашли трёх мёртвых риелторов, — сказала она без предисловий. — Все мужчины, сорок-пятьдесят лет. Все задушены. Все в своей одежде, но без обуви. Все лежали лицом вниз. И у всех были залиты цветы. Комнатные фикусы.

Зоя моргнула.

— Фикусы?

— Фикусы, — повторила Соболев. — В горшках. Залитые до состояния болота. Почва — мокрая как губка. В одном случае корни уже гнили. Двое из убитых были женаты, третий жил один. Все трое работали в одном агентстве недвижимости «Вороний ключ».

Она замолчала и посмотрела на Зою в упор. Монокль блеснул в свете утренней лампы.

— И? — спросила Зоя.

— И мне сказали, — медленно произнесла Соболев, — что вы знаете жену второго убитого. Елену Березину. Она была у вас на процедуре в прошлую субботу.

— Кофе у вас есть? — спросила Зоя.

— Вопросы здесь задаю я.

— А кофе здесь пью я. И вы, если хотите продолжения. Потому что без кофе я даже имя своё вспоминаю пять минут, а не то что риелторов.

Соболев сделала паузу, длиной в три удара сердца. Потом вытащила телефон, нажала одну кнопку.

— Зайди, — сказала она.

Через десять секунд дверь открылась, и в кабинет зашёл молодой человек в форме, неся два стаканчика из ближайшей кофейни. Американо для Зои, эспрессо для Соболя. Значит, она готовилась. Значит, этот визит был спланирован.

Зоя отпила кофе. Она любила своё кресло, свои лампы, запах лаванды и клея. Она не любила, когда её допрашивали в собственном кабинете. Но Соболя была... интересной. Не как женщина, нет. Как персонаж. Зоя уже прикидывала, что за ресницы ей подойдут. Наверное, 2D, объёмные, но не слишком, и с лёгким изгибом. Чтобы глаза казались больше, но не кукольными.

— Лена Березина, — сказала Зоя, наконец. — Риелторша. То есть жена риелтора. Она была у меня в субботу в три часа. Жаловалась на мужа. Говорила, что он последнее время странный. Злой. И что он... как она выразилась... «нюхает фикус».

Соболя подалась вперёд.

— Нюхает фикус? В прямом смысле?

— Она сказала: «Он подходит к фикусу в гостиной, на-

клоняется и нюхает горшок. Как собака. Я сначала думала, прикалывается. Но он серьёзно. Вдыхает глубоко, закрывает глаза и стоит так минуту». Лена думала, что у него начинается шизофрения. Я подумала, что он что-то прячет в горшке.

— И вы не сообщили?

— Мадам следователь, я мастер по ресницам. Если бы я сообщала в полицию каждую странную историю, которую слышу за пинцетом, вы бы поставили мне отдельную линию. И платили зарплату.

Соболь молчала. Зоя видела, как она переваривает информацию. Не в смысле «принять или отвергнуть» — она уже приняла. Она думала о следующем шаге.

— Фикус, — повторила Соболь. — У всех трёх убитых были фикусы в гостиных. Два одинаковых сорта, один — другой. Но все — фикусы.

— Может, они покупали их у одного продавца? — предположила Зоя.

— Проверим. — Соболь встала. — Вы свободны. Я с вами свяжусь.

Она уже взялась за дверную ручку, когда Зоя сказала:

— А ресницы?

— Что — ресницы?

— Вы не хотите записаться? У вас хорошая форма глаз. Миндалевидные. Изгиб «J» или «С» вам подойдёт. Не ярко, но выразительно. И монокуляр не будет цепляться.

Соболь обернулась. Впервые за весь разговор её лицо дрогнуло. Не улыбка, но что-то близкое. Какая-то трещина в гранитной плите.

— Вы серьёзно? — спросила она.

— Я всегда серьёзна, когда речь о ресницах, — сказала Зоя. — Трупы подождут. А красота — нет.

Соболь хмыкнула. Вышла. Дверь закрылась мягко, с уважением.

Зоя осталась одна. Допила кофе и посмотрела в окно. Вороны сидели на карнизе напротив — три штуки, чёрные, наглые. Ворон Сити приветствовал своих граждан.

Она набрала номер Марго.

— Алло, — ответил голос сонный, хриплый и одновременно уставший от жизни уже в восемь утра.

— Марго, тут следователь приходила. С моноклем.

— С моноклем? — Марго проснулась мгновенно. — Это какая-то шутка?

— Нет. Она расследует убийство трёх риелторов. У всех фикусы залиты. И один нюхал горшок.

— Нюхал горшок, — медленно повторила Марго. — Зоя, ты уверена, что это не была галлюцинация? Может, ты клей надышалась?

— Я тринадцать лет работаю с клеем, мой иммунитет к нему выше, чем у бактерий к антибиотикам. Это был реальный следователь с реальным моноклем. И она хочет, чтобы я помогала.

— И ты согласилась?

— Я не соглашалась. Я предложила ей ресницы.

Марго замолчала. Потом сказала:

— Знаешь, я работаю с трупами двадцать лет. И ни один из них ни разу не предложил мне сделать ресницы. Ты странная.

— Спасибо.

— Это не комплимент. Ладно. Что у нас по фикусам?

— Я хочу проверить одного человека. Березина — жена убитого. Она говорила, что муж покупал фикус у частного коллекционера. Какой-то ботаник из пригорода.

— Ботаник с фикусами, который может быть причастен к убийству трёх риелторов. Звучит как название плохого сериала на третьем канале.

— Лучше, чем «Следствие ведут ресницы»?

— Это мы оставим для мемуаров. — Марго зевнула. — Ладно, у меня сегодня вскрытие. Если что-то найду — позвоню. И, Зоя?

— Да?

— Не лезь в это одна. У тебя дочь.

— Алиса в школе. С ней всё будет в порядке.

— Я не про Алису. Я про тебя. Ты не детектив. Ты мастер по наращиванию ресниц.

Зоя посмотрела на свои инструменты. Пинцеты блестели под лампой. Казалось, они ждали чего-то большего, чем просто клей и реснички.

— Может, и детектив, — сказала она тихо. — Кто знает, что скрывается за красивыми глазами?

Марго положила трубку.

Зоя вздохнула, поправила лампу и начала готовиться к следующей клиентке. В десять у неё была женщина, которая жаловалась на свекровь и на то, что у неё «ресницы как палки». В час дня — та, что плакала из-за развода и хотела «что-то драматичное, чтобы бывший пожалел».

А в голове у Зои крутился фикус. Один-единственный горшок с землёй и листьями, который почему-то привели к трём трупам.

И она уже знала, что не успокоится, пока не узнает, почему.

Глава 2. Программист в луже

После обеда пошёл дождь. Не тот дождь, который освежает и пахнет озоном, а тот, который льёт как из ведра с надписью «проклятие». За час улица Ключевинская превратилась в мелкий ручей, ливнёвка не справлялась, и лужи достигли такого уровня, что в них могла утонуть мелкая собака.

Зоя закончила с третьей клиенткой, выключила лампу и уже собиралась закрывать кабинет, когда услышала шум. Кто-то громко матерился на первом этаже, потом на лестнице, потом прямо под дверью.

Дверь открылась без звонка — просто влетела внутрь от удара ногой. На пороге стоял мужчина.

Мокрый. Очень мокрый. Промокший до такой степени, что его футболка стала прозрачной, а джинсы, казалось, весили килограммов пять. На голове — капюшон, под которым угадывались очки в толстой оправе. В руках — ноутбук, который он держал под мышкой как младенца, прикрывая его полой куртки.

— Простите, — выдохнул он. — Можно у вас переждать?

Машина сдохла. В луже. Там вода по колено. Я вызывал эвакуатор, но он будет через час. А у вас тут розетка. Мне надо код сохранить. Я дописывал коммит, и тут — бах. В общем, понимаете?

Зоя смотрела на него. Возраст — около сорока, может, чуть больше. Без кольца. Очки запотевшие. В руках ноутбук с наклейкой на крышке — стилизованный питон, обнимающий клавиатуру.

— Вы кто? — спросила она.

— Константин, — ответил он. — Можно Костя. Я программист. Я не маньяк, если вы об этом. Хотя маньяки тоже так говорят. Но я правда не маньяк. У меня справка есть.

— Справка?

— Ну, что я не состоял на учёте. Хотя это тоже не доказательство. Ладно, забудьте. Можно просто розетку?

Зоя хотела сказать «нет». У неё был длинный день, болела шея, и она планировала выпить чай с Алисой, а потом лечь в ванну. Но что-то в этом мокром, несчастном программисте, который прикрывал ноутбук телом, как солдат знамя, её зацепило.

Может, жалость. Может, любопытство. Может, просто понимание того, что сегодня она уже видела следователя с моноклем, и жизнь явно решила, что этого мало.

— Проходите, — сказала Зоя. — Розетка вон там, у стены. Только сядьте на пол, вы мокрый. Не испортите мне кресло.

— Спасибо! — Костя уже полз к розетке на коленях, как пилигрим к святыне. — Спасибо, вы ангел. Вы не представляете, у меня там код, который три дня писал. Серверная миграция, если я потеряю — меня уволят. Или съедят. Коллеги у меня — звери.

Он сел на пол, вытащил ноутбук, включил. Экран засветился синим. На нём было открыто примерно сорок вкладок, терминал с зелёным текстом и что-то, похожее на карту звёздного неба, но с цифрами.

— Я вообще-то закрываюсь, — сказала Зоя, но села в своё кресло. — У вас правда час?

— Час-полтора. Эвакуаторщик сказал «выехал», но в Ворон Сити это значит, что он только проснулся.

Зоя вздохнула. Посмотрела на него. Костя печатал быст-

ро, почти без пауз, одним взглядом охватывая половину экрана. Его пальцы летали по клавиатуре, как будто он играл сонату.

— Вы всегда так быстро печатаете? — спросила она.

— Когда код горит — да, — ответил он, не отрываясь. — А вы всегда работаете с ресницами?

Зоя удивилась.

— Откуда вы знаете?

— На дверях табличка. «Мадам Преображенская. Наравшивание ресниц. Заходите красивыми — уходите прекрасными». И пинцет нарисован. Я не слепой. И не маньяк. Повторюсь на всякий случай.

Она усмехнулась. Нехотя, но усмехнулась.

— Ладно, программист. Переждите. Чай будете?

— Буду. Только если у вас есть чёрный без сахара.

Зоя встала, пошла в маленькую подсобку, где стоял чайник. Заварила чай. Сделала два — один себе с мятой, второй

ему чёрный с имбирём. Вернулась, протянула.

Костя оторвался от экрана на секунду. Посмотрел на чашку. Потом на Зою.

— Откуда вы знаете, что я пью с имбирём?

— У вас на ноутбуке стикер «имбирь — это жизнь». Я сделала выводы.

Он моргнул. Потом улыбнулся. Улыбка оказалась тёплой, неожиданной, совсем не соответствующей его виду.

— Знаете, — сказал он, — а вы, наверное, хороший следователь. Для мастера по ресницам.

Зоя села напротив, на стул для клиентов, и сделала глоток.

— Я не следователь. Я просто слушаю.

— Вот именно. Самые опасные люди — те, кто слушает.

Они замолчали. Тишина была неловкой, но не тяжёлой. За окном продолжал лить дождь. Вороны на карнизе куда-то улетели.

Костя дописал код, нажал «сохранить» с такой силой, будто закрывал сейф, и откинулся на стену.

— Сохранил, — сказал он с облегчением. — Теперь можно и умереть.

— Не надо умирать, — сказала Зоя. — У меня сегодня был трупный день, хватит.

Костя поднял бровь. Ноутбук тихо жужжал.

— Вы шутите?

— Не совсем. Ко мне приходил следователь. Трёх риелторов убили.

— Вы работаете с полицией?

— Я работаю с ресницами. Полиция сама приходит. — Зоя вздохнула. — Длинная история.

— А я не тороплюсь. Эвакуаторщик только выехал. Рассказывайте.

И Зоя, сама не зная зачем, рассказала. Про фикусы. Про Лену Березину. Про странное поведение её мужа. Про сле-

дователя Соболев с моноклем («Монокль? Это же нелепо», — сказал Костя, но с интересом). Про Марго-патологоанатома («У вас подруга с трупами? Это удобно»).

Костя слушал. Не перебивал. Кивал. Когда она закончила, он сказал:

— А вы не думали, что дело не в фикусах, а в земле?

— В земле?

— Ну да. Фикус — это просто горшок. Что прячут в горшках? Деньги, наркотики, улики. Но если все трое покупали фикусы у одного продавца — значит, продавец что-то вкладывал в землю. Или забирал. Вы не спрашивали у клиентки, где муж покупал растение?

Зоя замерла.

— Лена говорила про какого-то частного коллекционера в пригороде. Я не спросила имя.

— Жалко. — Костя пожал плечами. — У меня есть знакомый в городском озеленении. Если хотите, могу спросить про коллекционеров фикусов. В Ворон Сити их вряд ли много.

— Зачем вам это? Вы программист.

— А вы мастер по ресницам. И мы оба сидим в комнате, где пахнет лавандой и клеем, а за окном тонут машины. Мне просто интересно. И вы интересная.

Зоя посмотрела на него долгим взглядом. Он не отвёл глаза. В его взгляде не было ни подтекста, ни флирта — только чистый, почти детский интерес к загадке.

— Ладно, — сказала она. — Спросите. А я поищу Лену Березину в соцсетях.

— Я могу вам помочь с соцсетями, — сказал Костя. — У меня есть парсер. Программа, которая собирает данные. Вы дадите мне её имя, я найду всё, что она публиковала за последний год. Включая геолокации.

— Это законно?

— Это серая зона. Как наращивание ресниц без лицензии.

— У меня есть лицензия!

— А у меня — парсер. — Костя улыбнулся шире. — Мы

КВИТЫ.

Зоя не знала, смеяться или выгонять его вон. Но дождь всё ещё лил. И эвакуатор не приехал.

— Заметано, — сказала она.

Они обменялись номерами телефонов. Костя записал её как «Зоя Ресницы», а она его — как «Костя Лужа».

Через полчаса эвакуатор всё-таки приехал. Костя вскочил, сунул ноутбук в рюкзак, накинул мокрую куртку и сказал на пороге:

— Спасибо. Вы спасли мне жизнь. И код.

— Не за что, — сказала Зоя. — Не тоните больше.

Он вышел под дождь, потом вернулся, заглянул в дверь:

— А вас когда-нибудь подвозил мужчина на нормальной машине?

— Нормальной — нет.

— Тогда будет первый раз. Как закончу с ремонтом. Пока!

И ушёл. Мокрый, смешной, с питоном на ноутбуке.

Зоя закрыла дверь, прислонилась к косяку и поняла, что улыбается.

Она не улыбалась так уже давно. Может, со времён развода. А может, и дольше.

Глава 3. Патологоанатом с чувством юмора

Морг в Ворон Сити располагался в подвале городской больницы. Место, которое не украшали даже самые дорогие обои. Здесь пахло формалином, хлоркой и чем-то ещё, чему Зоя не знала названия, но что ассоциировалось исключительно со смертью. Марго говорила, что это «аромат профессионализма».

— Заходи, не бойся, трупы сегодня не кусаются, — крикнула Марго, когда Зоя спустилась по лестнице. — Хотя один пытался. Шутка.

Зоя вошла в секционный зал. Марго стояла у стола, на котором лежало тело, накрытое простынёй. Она была в медицинском халате, поверх которого надет фартук, а на руках — перчатки по локоть. Сорок семь лет, но выглядела на тридцать пять. Высокая, стройная, с тёмными волосами, собранными в пучок, и лицом, на котором даже после двенадцати-часовой смены не было усталости — только лёгкое презрение ко всему живому и мёртвому.

— Ты прекрасна, — сказала Зоя.

— Я знаю, — ответила Марго, не оборачиваясь. — Это первое, что говорят в морге. Второе — «что это за запах». Третье — «а можно мне выйти».

Она откинула простыню. На столе лежал мужчина. Не старый, не молодой. С закрытыми глазами и странно спокойным лицом. Зоя не была брезгливой — после пятнадцати лет работы с ресницами она видела всякое: и гнойные выделения, и отёки после пластики, и последствия химических ожогов. Но мёртвое тело всегда было иным. Не страшным. Просто — отсутствующим.

— Это третий риелтор? — спросила Зоя.

— Второй. Первого уже забрали родственники. А этот — пока здесь. И знаешь что? У него на ресницах остатки туши. Дешёвой. И нарощенных нет. Позор.

— Марго, ты невыносима.

— Я профессионал. Смотри.

Марго наклонилась и пинцетом (Зоя заметила — таким же изогнутым, как у неё) подняла веко трупа.

— Видишь? На нижних ресницах — микрочастицы земли. Не пыль, не грязь. Садовая земля. С примесью торфа. И что-то ещё. Я отправила на анализ.

— Земля? — Зоя нахмурилась. — У него земля на ресницах?

— Не только. У первого, которого уже забрали, тоже была. И знаешь, что ещё? У всех троих одинаковые волокна под ногтями. Растительные. Я отправила в ботанический сад на экспертизу.

— Ты думаешь, их убил садовник?

— Я думаю, что они все трое были в одном месте перед смертью. В месте, где есть земля и растения. И это место — не их дома. Потому что дома у них разные, а земля — одинаковая.

Марго сняла перчатки и бросила их в специальный контейнер.

— Следователь Соболев была у тебя? — спросила она.

— Была. С моноклем.

— Боже. — Марго закатила глаза. — Я знаю её. Мы пересекались на трёх делах. Она... специфическая.

— В хорошем смысле?

— В смысле, у неё чувство юмора такое же чёрное, как у меня. Однажды на месте преступления она сказала: «Вы знаете, Марго, этот труп выглядит лучше, чем я после корпоратива». Я с тех пор её уважаю.

Зоя села на свободный стул, стараясь не касаться спинкой ничего подозрительного.

— Она думает, что фикусы — ключ.

— Фикусы — это странно, — согласилась Марго. — Но знаешь, что ещё страннее? Я вскрыла второго и нашла в желудке... семена. Целые, не пережёванные. Какие-то мелкие, чёрные. Не мак, не кунжут. Я отправила ботанику.

— У тебя есть ботаник?

— У меня есть связи. В отличие от тебя, я не только сплетни собираю, но и работаю.

— Я собираю не сплетни, а информацию.

— Ты собираешь информацию от женщин, которые плачут у тебя на ресницах. Это тот же морг, только с красивыми ресницами.

Зоя хотела возразить, но не стала. Марго была права в главном — они обе имели дело с тем, что другие предпочитали не замечать. Только Зоя имела дело с живыми, а Марго — с мёртвыми. И те и другие не всегда говорили правду.

— У меня есть один контакт, — сказала Зоя. — Программист. Он обещал помочь с соцсетями жены второго.

— Программист? — Марго подняла бровь. — Это тот мокрый тип, который сидел у тебя в кабинете?

— Откуда ты...

— Я живу через дорогу, Зоя. Я видела, как он заходил. И как выходил. И как ты улыбалась.

Зоя покраснела. Марго улыбнулась — той самой улыбкой, которая означала «я тебя раскусила и собираюсь мучить до конца жизни».

— Ничего не было.

— Ничего не было, — повторила Зоя.

— Я и не говорю, что было. Я говорю, что ты улыбалась.

— Марго налила себе кофе из термоса, стоявшего на подоконнике. Жестяной, дешёвый, больничный кофе, который пили только патологоанатомы и люди, потерявшие вкус к жизни. — Последний раз ты так улыбалась, когда Алиса в пять лет нарисовала твой портрет клеем для ресниц и блёстками. Это было девять лет назад.

— Ты ведёшь учёт моих улыбок?

— Я веду учёт всего, что может тебя убить, рассмешить или сделать счастливой. Список рассмешить и счастливой очень короткий. Поэтому я заметила.

Зоя отвернулась. Ей не хотелось обсуждать Костю. Не потому, что было стыдно, а потому, что она сама не понимала, что это было. Просто мокрый мужчина с ноутбуком и тёплой улыбкой. Просто розетка и чай с имбирём. Просто разговор ни о чём, который вдруг стал разговором о чём-то важном.

— Он сказал, что поможет с парсером, — сказала Зоя. — С программой, которая собирает данные из соцсетей.

— Ого, — Марго присвистнула. — То есть он не просто симпатичный мокрый программист, он ещё и хакер?

— Он не хакер. Он просто... умеет работать с данными.

— Дорогая, если человек предлагает тебе собрать данные о чужом муже через парсер, то он либо хакер, либо очень плохой программист. Ты выяснила, который из двух?

— Нет ещё. Но выясню.

Марго посмотрела на неё долгим взглядом. Потом вздохнула.

— Ладно. Раз уж мы влезли в это дело — давай системно. Что мы знаем?

Зоя вытащила телефон и открыла заметки. Она вела их всегда. Туда записывала и размеры ресниц клиенток, и их жалобы на мужей, и странные совпадения, которые иногда вылезали наружу. Сейчас в заметке «Фикус» было семь пунктов.

— Три трупа, — начала Зоя. — Мужчины, сорок-пятьдесят лет. Все — риелторы из агентства «Вороний ключ». Все

задушены. Все без обуви. Все лежат лицом вниз. У всех залиты фикусы.

— Факты, — кивнула Марго. — Теперь версии.

— Версия первая: фикусы — просто совпадение. Покупали в одном магазине, заливали одинаково, потому что все риелторы — тревожные перфекционисты, которые боятся, что растение засохнет, и заливают его до смерти.

— Слабо.

— Версия вторая: фикусы — улика. В них что-то спрятано или закопано. Или сами растения — маркер. Может, убийца оставляет их как «визитку».

— Как Джек-потрошитель, только с фикусами? — Марго поморщилась. — Звучит как сценарий для канала «Культура» в три часа ночи.

— Версия третья: убийца знает этих людей через общего знакомого — того самого ботаника-коллекционера.

Марго задумалась. Подошла к столу с инструментами, взяла скальпель, повертела в руках, положила обратно. Жест автоматический, как у Зои с пинцетом.

— Слушай, — сказала она. — А ты не думала, что убийца — женщина?

— Почему женщина?

— Потому что задушить мужчину женщине сложно. Но возможно, если он не сопротивляется. Или если она использовала удушающий приём со спины. Или если он был под наркозом. Что общего у трёх мужиков, кроме работы? Они все ходили к одному стоматологу? К одному массажисту? К одной... как это называется... той, кто делает маникюр на дому?

— Бьюти-сфера, — подсказала Зоя.

— Да. Бьюти-сфера. Женщина может войти в дом как мастер. И никто не удивится.

Зоя замерла. Идея была не нова — она сама думала в этом направлении. Но сейчас, услышав это от Марго, которая каждый день видела, как смерть входит в дом, она поняла, что это не просто версия. Это почти уверенность.

— Я проверю, — сказала Зоя. — Клиентки из «Вороньего ключа» часто ко мне ходят. Если кто-то из их жён поль-

зовался услугами мастера на дому — я узнаю.

— Вот поэтому я тебя и люблю, — Марго улыбнулась. — Ты единственный человек, который может раскрыть убийство через сплетни о том, кто как красит ногти.

— Это не сплетни. Это разведка.

— Назови как хочешь. Главное, чтобы Соболев не узнала, откуда у тебя информация.

— А что, она против неофициальных источников?

— Она — следователь. Она против всего, что нельзя приобщить к делу. — Марго посмотрела на часы. — Всё, у меня вторая аутопсия через двадцать минут. Ты иди. И, Зоя?

— Да?

— Будь осторожна с программистом. Мокрые и несчастные часто оказываются самыми опасными.

— Это был совет или угроза?

— Это был совет от женщины, которая видела, как мокрые и несчастные становятся трупами.

Она обняла Зою — быстро, по-мужски, хлопнув по спине. От Марго пахло формалином и жасминовыми духами. Странное сочетание, но Зоя привыкла.

Она вышла из морга, поднялась по лестнице на улицу и глубоко вдохнула воздух Ворон Сити — сырой, прохладный, с запахом мокрых листьев и автомобильных выхлопов. Ворона сидели на козырьке больницы — пять штук, чёрные, блестящие.

Зоя достала телефон. Одно сообщение от Кости: «Парсер запустил. Нашёл твою Березину. Она любит посты про йогу и фикусы, встретиться? Есть детали».

Она ответила: «Завтра в 12. В моём кабинете. Не опаздывай».

Через минуту пришёл смайлик — кот с ноутбуком.

Зоя убрала телефон и пошла забирать Алису из школы.

Глава 4. Алиса и граффити

Школа искусств имени Врубеля располагалась в старом особняке на Пёрышко переулке. Когда-то здесь жил купец первой гильдии, потом — редакция городской газеты, потом — склад церковной утвари. Теперь здесь пахло масляными красками, скипидаром и подростковым отчаянием.

Зоя подошла к крыльцу ровно в три часа. Из дверей уже вываливались дети — с мольбертами, планшетами, папками для бумаги. Почти у всех были разноцветные волосы, чёрная одежда и выражение лица «меня никто не понимает, кроме кота».

Алиса Преображенская появилась последней.

Четырнадцать лет, рост сто педесят два, волосы — длинные, светлые, заплетённые в небрежную косу, из которой вечно выбивались пряди. В ушах — серебряные серёжки-кисточки (собственная работа, из бисера). На футболке — череп с ресницами (тоже собственная работа, Зоя тогда чуть не расплакалась от гордости). Она шла не спеша, держа под мышкой скетчбук размером почти с себя, и смотрела в телефон с таким видом, будто решала судьбу мира.

— Привет, мой художник, — сказала Зоя.

— Привет, мама-сыщица, — ответила Алиса, не отрываясь от экрана. — Ты сегодня поймала преступника или только наращивала ресницы?

— Сегодня я клеила ресницы и разговаривала со следователем с моноклем.

Алиса подняла голову. Её глаза — такие же серые, как у Зои, но с лёгким налётом дерзости — загорелись.

— Монокль? Как в девятнадцатом веке?

— Как в девятнадцатом веке. Она ещё и говорит так, будто у неё папка с делами всегда под рукой.

— Круто. — Алиса наконец убрала телефон в карман джинсов. — А что заследователь?

— Женщина. Грозная. С чувством юмора, но ты его сразу не заметишь, потому что он зарыт под слоем стали и бюрократии.

— Как бабушка, только с моноклем?

— Бабушка тоже с чувством юмора, но у бабушки монокля нет. У бабушки есть огород и подозрения, что соседка — ведьма.

— Соседка и есть ведьма, — сказала Алиса спокойно. — Я видела, как она заговаривает огурцы.

— Огурцы сами себя заговаривают, когда их правильно поливать.

Они пошли по улице. Зоя любила эти моменты — когда Алиса рядом, когда не нужно ничего решать, кроме того, что купить на ужин. Дочь выросла, но не отдалилась. Зоя не знала, как ей это удалось — возможно, потому что она никогда не врала Алисе. Ни про развод, ни про деньги, ни про то, что работа с ресницами — это не просто клей и ворсинки, а иногда и спасение чужих жизней. Не физическое — моральное. Когда женщина с наращенными ресницами идёт на собеседование увереннее. Или уходит от мужа-тирана. Или просто перестаёт плакать по ночам.

— Мам, — сказала Алиса, когда они завернули за угол. — А почему ты не станешь настоящим детективом?

— Потому что у меня нет образования. И лицензии. И

желания каждый день видеть трупы.

— Ты и так их видишь. Тётя Марго тебе фотки присылает.

— Тётя Марго присылает мне фотки порезов и синяков, чтобы я понимала, от чего умерли люди. Это не трупы, это улики.

— Алиса, прекрати.

— Что? Я просто хочу, чтобы ты занималась тем, что у тебя получается лучше всего. А лучше всего у тебя получается разбираться в людях. И в ресницах. И ещё ты умеешь слушать. Это же навык детектива.

Зоя промолчала. Алиса часто говорила вещи, которые было трудно оспорить. Не потому, что они были гениальны — просто потому, что они были правдой, очищенной от подросткового максимализма.

— Сегодня я встретила одного программиста, — сказала Зоя, меняя тему.

Алиса повернула голову. В её глазах мелькнуло что-то похожее на кошачье любопытство.

— Программиста? Мужчину? Живого?

— Очень живого. И мокрого. Его машина утонула в луже.

— И ты его пустила?

— У него код горел.

— Ага. — Алиса кивнула. — Код горел. Это как «у меня ресницы отклеились»? Типа, предлог, чтобы войти?

— Зачем ему предлог? Я мастер по ресницам, не оружейный барон.

— Не знаю. Но если мужчина заходит в кабинет к красивой женщине под дождём и говорит про код — это сценарий фильма. Романтическая комедия с элементами триллера.

— Алиса, тебе четырнадцать. Откуда ты знаешь про романтические комедии?

— Интернет. И бабушка смотрит. Она говорит: «В наше время мужики хотя бы стихи писали, а теперь у них только коды горят».

Зоя рассмеялась. Громко, искренне, так, что прохожие

оборачивались. Алиса улыбнулась — редко, только когда видела маму счастливой.

— Ладно, — сказала Зоя, отсмеявшись. — Что ты хочешь на ужин?

— Пиццу. С ананасами.

— Ананасы на пицце — это преступление против человечества.

— А убийство трёх риелторов — это преступление против человечества. Пицца с ананасами — просто плохой вкус. Не путай.

— Ты жестока.

— Это у меня от тебя. И от тёти Марго.

Они зашли в пиццерию «Вороний клюв» (город любил ворон до патологии). Заказали пиццу, сели у окна. Алиса достала скетчбук и начала рисовать. Быстро, чёткими линиями, почти не глядя на лист.

— Что ты рисуешь? — спросила Зоя.

— Портрет твоего программиста. По описанию.

— Я не давала описания.

— Ты сказала: мокрый, очки, похож на доброго пса, которого бросили хозяева. Я нарисовала.

Она повернула скетчбук. Зоя увидела Костю. Не портрет — почти фотографию. Та же небрежная улыбка, те же очки в толстой оправе. И подпись внизу: «Константин, 42, программист, не маньяк».

— Откуда ты знаешь его имя? — спросила Зоя.

— Ты разговаривала сама с собой, когда готовила чай. Я слышала.

— Ты была в школе.

— Я была в школе, но я не глухая. И у меня хорошая память.

Зоя смотрела на рисунок. Ей хотелось сказать что-то строгое — про личные границы, про то, что не надо рисовать незнакомцев. Но вместо этого она сказала:

— Ты талантлива. Знаешь?

— Знаю, — ответила Алиса, забирая скетчбук. — Поэтому я и рисую. А ты расследуешь. У нас разные способы делать мир лучше.

Зоя хотела ответить, но в этот момент пришло сообщение. От Кости.

«Нашёл кое-что странное. Березина год назад постила фото с фикусом. Геолокация — посёлок Заречный. Это там, где твоя мама живёт?»

Зоя замерла.

Заречный. Посёлок, который славился ведьмами. Где жила её мама Людмила — властная, красивая, с огородом, который она обрабатывала по лунному календарю, и с подозрениями, что соседка Таня заговаривает огурцы. Где Зоя провела всё детство. Где до сих пор пахло ромашкой и тайной.

— Мам? — Алиса заметила её лицо. — Что случилось?

— Ничего, — Зоя убрала телефон. — Просто фикусы приехали туда, где их не ждали.

— Это загадка?

— Это ответ. Пока не знаю на какой вопрос, но ответ.

Она откусила пиццу. Вкус ананаса показался ей не таким уж преступным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.